

ОВЕЩЕСТВЛЕННАЯ ПАМЯТЬ СЦЕНЫ

Как можно рассказать о театре — самом мгновенном из искусств?

Хорошо, если ты видел этот театр. Тогда рассказ критика или театроведа будет раздумьем по поводу того, что вы видели, над чем думали. И для слушателя — в том, понятно, случае, когда талантливый рассказчик — чужое размышление обернется соразмысленным, внимательным диалогом.

А если ни ты, ни рассказчик не видели театра? Если спектакли, о которых рассказывает, ставились задолго до твоего рождения и на пленку сняты не были?

Сейчас, конечно, научились восстанавливать образ давнишнего сценического действия на основе режиссерских разработок, воспоминаний, фотографий, написанных когда-то рецензий... Тебе словесно изобразят какую-нибудь гениальную мизансцену, объяснят, как знаменитый актер изменил привычную драковку труднейшей роли, вычертят даже кривую — «кардиограмму» — представле-

ния, обозначив места, где зрительный зал дружно вздыхал или единодушно плакал. Конечно, и такое описание канувшего в небытие спектакля похоже на то, как если бы некто посредством одних только пальцев пытался толковать о своеобразном колорите, скажем, суриковской «Боярыни Морозовой». И все-таки это неплохой выход из безвыходного положения (спектакль то — зрелище!).

А вот если Возьмем, самый, прямо скажем, трудный случай. Нужно воссоздать биографию театра с того момента, когда не было не то что кино и телевидения, которые сегодня могут задокументировать любое движение на сцене, — фотографии, и той не было. Более того, не было по-сегодняшнему обстоятельных рецензий — периодика пока что находилась в весьма неразвитом состоянии. И осталось от того момента всего ничего: несколько меморандов, откликов, напоминающих байки, да несколько неслыханных строчек в деловых

бумажках, исстопивших от старости и официальной сухости.

Вот это и есть самый трудный случай, конкретный: на скудном фоне прямых свидетельств основываются многие из начальных страниц книги искусствоведа и критика З. Анчиполовского «Вчера и сегодня колывановской сцены», вышедшей накануне 175-летнего юбилея Воронежского драматического театра.

Забегая вперед, следует сказать, что автор успешно решил казавшуюся неразрешимой задачу, продиктованную замыслом книги. Он исходил из неопровержимой истины: различные виды искусств в общей системе культуры того или иного времени взаимодействуют друг с другом, так или иначе друг друга отражают. Восстанавливая, выстраивая биографию одного из старейших театров России, З. Анчиполовский постоянно соотносит ее с общей политической, социальной и духовной атмосферой времени.

Среди смежных и косвенных фактов, привлекаемых автором, — архивные сведения о перенесенных пьесах, документы о городских хлопотах по обеспечению очередной антрепризы помещиком, свидетельства об общем характере эстетических увлечений воронежской публики; распоряжения властей претерпевших насчет театра; подробности о деятельности соседних провинциальных трупп. Целостность прямых сведений как бы блокируется со всех сторон, и возникают вполне отчетливые контуры состояния воронежской сцены и ее почтай что «дописанный» период.

Говоря языком предмета, о котором пишет З. Анчиполовский, автор умело обыгрывает сложившуюся ситуацию. Облик театра поначалу лишь угадывается в дымке времени, проступает сквозь шум официальной и светской суеты, сквозь отчаянные хлопоты неприкаянных в государственной системе актеров и антрепренсеров о трудном бытском. Но этот облик постепенно проясняется по мере того,

как все больше появляется конкретных документов и фактов.

И вот мы уже читаем о воронежских гастрольях великих Щепкина и Мочалова, о приходе на провинциальную сцену драматургии Островского, о забываемой постановке в революционные дни 1905 года цинклеровского «Вильгельма Телля».

Театр борется за существование, осознает свое достоинство, становится на ноги и вместе с тем становится умнее, гражданственнее, демократичнее, революционнее.

Темпераментно, в полном соответствии с характером предмета, написаны страницы о бурных для искусства постереволюционных годах, открывших дорогу не только шумным декларациям, но и необычайно смелым поискам и экспериментам. Искусство решительно стремится сблизиться с настроением масс, предлагает себя зрителю широко и разнообразно. В Воронеже возникают «Большой советский театр», «Свободный театр», «Театр вольных

мастеров», — в последнем, кстати, начинал свою деятельность знаменитый художник советской сцены Вадим Рыбин.

С интересом полновесного сопереживания читаются строки о подготовке к двадцатилетию Октября спектакля «Человек с ружьем», который появился на воронежских подмостках раньше знаменитой постановки в театре имени Вахтангова. И «это был первый в стране (если исключить попытки 20-х годов) спектакль с образом Ленина, причем сыгранного не по шукшинскому эталону, как большинство последующих. Это была одна из самых первых встреч в искусстве с живым Ильичем».

Дни Великой Отечественной... Мы узнаем, что «Воронежский театр военных лет — это не только Сызрань и Стерлитамак, Копейск и Челябинск», где приходилось выступать в нелегкую пору эвакуации. «Свет рампы не всегда освещал его сцену. Бывало так, что зрительным залом служили овраг или землянка, а музыкальным сопровождением — разрывы снарядов или огонь минометов»...

Спектакли последних лет давно уже крупным планом, а за ровненькими книжными строчками слышится горячее дыхание вчерашних газетных лобзаний. Все знакомо, близко, понятно. Фон ступенчат, размыт,

Может быть, так и нужно: крупный план сосредоточивает все внимание на себе? И автор рассчитывал, что театрал любознательный, памятный и без него знает особенности сегодняшнего театрального процесса? Лично мне именно в последних страницах книги все-таки не хватало подтема, параллелей, ассоциаций — пусть легких, эскизных...

Но это — в последних страницах, рассказывающих о живом работающем театре, зивтрашний день которого открыт и обещает новое.

Главное — связь нашего старого доброго друга театра с историей страны, с ее многообразной культурой ощущается на протяжении всей книги. Видно, как движущаяся эпоха, под каким бы эстетическим знаком она ни разливалась — классицизма ли, романтизма, или сталинизма, — зримо проявлялась и проявляется в буднях творческого коллектива. Умение автора передать объемность, перспективу одного, казалось бы, строго ограниченного явления, позволило ему в рассказе о воронежском театре показать, по сути, судьбу русского провинциального театра вообще.

А в конце — сожаление мое не читательское, а как бы это поточнее выразить, болельщицкое. Интересная, незаурядная

(и в полиграфическом исполнении тоже) книга выпущена всего лишь... трехтысячным тиражом. Может, с расчетом, чтобы уж сразу, мгновенно стала библиографической редкостью? Странный и нерасчетливый расчет накануне 175-летнего юбилея Воронежского государственного драматического театра имени Алексея Кольцова.

На магазинных прилавках книги не было видно (редкий случай для продукции, выпущенной местным издательством). А для многотысячной воронежской театралов случай прямо-таки огорчительный. В библиотеки страны уйдут наверняка сотни экземпляров, еще какая-то часть тиражи попадет в случайные руки. Первостепенные покупательские права воронежских артистов, ветеранов колывановской сцены. Что же осталось «просто» театралу? Ведь книга не только рассказывает, но и ориентирует на театр, а потому нужна учителю, лектору и так далее — до комсомольского культорганизатора включительно.

Утешением тут может служить разве то, что до 180-летия театра не так уж далеко, значит, есть шансы сравнительно скоро исправить явную скуповатость «тиражной комиссии» наших уважаемых издателей.

В. КУЛИНИЧЕВ.

2 ● МОЛОДОЙ КОММУНАР ● 7 января 1978 г. ●